

# СОВРЕМЕННИКАМ И ПОТОМКАМ

Всеволод Витальевич Вишневский написал не так уж много, но вклад, который он внес в советскую драматургию и кинодраматургию, необыкновенно значителен. И сейчас, в дни, когда общественность отмечает его семидесятилетие и мы говорим о его творчестве, речь идет не об отдельных удачных или неудачных пьесах или киносценариях, а о драматургии Вишневского, драматургии своеобразной, новаторской, ни на чью другую не похожей, глубоко революционной, страстной, боевой.

Юность моя прошла в городе Твери. Там был хороший театр, которому везло на режиссеров. И вот в начале 30-х годов театр этот вознамерился поставить пьесу «Первая Конная», принадлежащую перу начинающего драматурга Всеволода Вишневского. Вокруг этой пьесы в столице уже шли горячие споры. Драму прочли на труппе. Прочли и стали в тупик. Пьеса нарушала все привычные театральные традиции. Как ее ставить? Как ее играть?

И вот решено было попросить драматурга приехать и прочесть актерам свою пьесу. Я пописывал тогда в губернских газетах театральные рецензии, и меня пригласили принять участие во встрече московского гостя. Помню, как поразил всех нас этот невысокый, коренастый, черноволосый человек, который, деловито пожав нам всем руки, заявил, что времени у него в обрез. Только этот вечер. Что в запланированных гостеваниях он участия не примет. Некогда. Недосуг. И, прочтя пьесу, уедет в Ленинград с первым поездом.

Начал читать он как бы нехотя. Вяло огласил действующих лиц. Ворчливо прочитал первую сцену, а потом вдруг совершенно преобразился: в хрипловатом голосе зазвучал металл, темные глаза загорелись, весь он как бы зажил в пьесе, то и дело преображаясь то в одного, то в другого, то в третьего героя.

Слушатели — вся труппа и многоопытный режиссер, и актеры, и костюмеры, и пожарники, толпившиеся в дверях, — так, замерев на месте, и простояли два часа, переживая вместе с автором все перипетии действия, да так, на некоторое время, остались стоять, когда чтение было закончено, а автор, небрежно свернув пьесу, сунул ее в карман. Сунул, посмотрел на часы и заторопился на вокзал: нет, нет, он не может остаться. В Ленинграде его ждут важные дела. Он поужинает в станционном

## К 70-летию со дня рождения Всеволода Вишневского

буфете... И исчез, семена коротенькими ножками.

Но краткий визит этот как бы дал труппе ключи к необыкновенной и по-необыкновенному сложной пьесе, в которой на сцене бушевали революционные страсти, а главным героем была народная масса, приобщившаяся к революции и борющаяся за нее. Все те, кто присутствовал тогда на чтении Вишневского, стали с тех пор поклонниками его новаторской, боевой драматургии, которая стала эпохой в истории советского театра.

«Первая Конная», «Оптимистическая трагедия», кинофильм «Мы из Кронштадта» — без этих великолепных вещей нельзя себе представить ни советского театра, ни советского кино. Нержавеющие произведения, насыщенные революционным пафосом, они живут десятилетиями и с каждым новым актерским и режиссерским поколением обретают новое звучание, новую глубину.

Может быть, нужно было прожить такую жизнь, какую прожил Всеволод Вишневский — мальчиком 14 лет добровольцем уйти на фронт первой мировой войны, юношей активно участвовать в Октябрьском восстании в Петрограде, служить пулеметчиком в Первой Конной, молодым человеком побывать командиром и политработником на Черноморском флоте, — чтобы так вот, в нарушение всех театральных канонов, смело вывести на сцену и на экран революционные народные массы, чтобы не стесняться открытой политической тенденциозности, романтической патетики, ораторских приемов в речи героев.

Для него изображаемая среда была родной средой. Он чувствовал себя в кипящем котле революционного эпоса, как рыба в воде, — и он смело ломал привычные рамки театра в кино. Романтическая патетика его произведений, как и патетика Маяковского, была не ходульной, а органичной, была его стилем, строим не только творчества, но и его жизни, и потому так захватывала и продолжает захватывать самые широкие зрительские круги.

Написав, что боевая революционная патетика была не

только творческим стилем, но и строем жизни Вишневского, я не сделал описки. Так оно и было. Мы провели с ним много месяцев на Нюрнбергском процессе, где судили главных военных преступников. Флотский офицер, ленинградец, с честью переживший все ужасы беспримерной блокады, он сам бы мог стать одним из главных свидетелей обвинения. Каким бы трудным ни оказывался на процессе день, как бы мы ни уставали, в номере Вишневского до глубокой ночи горел огонь. Он писал записки. Аккуратно. День за днем.

Иногда он читал нам свои записки. В сущности это были не дневники и тем более не мемуары. И Вишневский выступал в них не как летописец. Он выступал как человек горячей и страстной души, ненавидящий нацизм, фашизм каждой клеткой своего существа, как человек, гордящийся Страной Советов, которая в небывалом титаническом единоборстве разбила армии стран гитлеровской коалиции.

Дневники Всеволода Вишневского, теперь опубликованные, звучат как страстные речи пламенного оратора, громящего нацизм, национализм, шовинизм во всех их ипостасях, разоблачающего империализм, прозорливо предупреждающего людей Земли о необходимости быть бдительными.

— Кому вы адресуете свои записки? — спрашивали мы Вишневского.

— Потомкам, — коротко отвечал он. — Может быть, они захотят забыть, о том, что мы пережили, как мы добыли победу. Не смеют. Нельзя забывать. Ни на день. Ни на час...

Вспоминая сегодня об этом художнике, хочется еще сказать и о традициях Вишневского, и об их значении для нашего театра и кино. Сколько еще появляется у нас серьезных пьес и сценариев, далеких от сражений века, от революционных проблем времени, главных задач нашего народа. Драматургия Вишневского, умевшего увлечь зрителя революционным пафосом, кипением страстей, правдой больших характеров и больших дел, должна, как мне кажется, быть своеобразным бакемом на фарватере нашего театрального и кинематографического искусства, бакемом, предупреждающим о мелководье, о мелях и о тихих заводях со стоячей водой, бакемом, указывающим путь по стремнину.

Борис ПОЛЕВОЙ.

ПРАВДА  
Г. МОСКВА

20  
ДЕН 1970